

БУЛАВИНСКИЙ БУНТ

1708 г.

Донской казак Кондратий Афанасьев Булавин (У Соловьева: “Бахмутский старшина” и “Бахмутский атаман из Трехизбинских казаков” (“Булавин”. Рассказы из Рус. Ист. XVIII ст. “Рус. Вест.”, т. XXVIII. 1860 г. август, стр. 378 и “История России с древнейших времен” т. XV, стр. 240). У Броневского: “Булавину, в звании походного атамана, поручено было охранение границ со стороны реки Донца и Бахнута”. Истор. Донск. войск, ч. I, стр. 249. – прим. П. П. Ламбин.) в 1707 г. убил полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого, посланного с командой на Дон для отыскания и высылки в прежние жилища беглых русских людей. Опасаясь последствий, Булавин бежал с Дона в Запорожье, откуда возвратился на Дон в 1708 году, принял начальство над казаками, которых успел взбунтовать прелестными письмами; взял Новочеркасск, казнил атамана Лукьяна Максимова и пятерых старшин; был выбран в атаманы, намеревался взять Азов и соединиться с кубанскими казаками и крымским ханом. Деятельными распоряжениями Петра I бунт, затеянный Булавиным, был прекращен в том же году. Булавин, сознавая невозможность бороться с государством и не желая быть выданным казаками, не сочувствовавшими восстанию, застрелился из пистолета 7 июля 1708 г.

П. П. Ламбин

I.

ВОЗЗВАНИЕ АТАМАНА ВОЙСКА ДОНСКОГО КОНДРАТИЯ БУЛАВИНА

К кубанским казакам

(О воззвании этом мы не нашли никаких сведений ни в статье “Булавин” С. М. Соловьева (“Рассказы из Рус. Ист. XVIII ст.” Рус. Вест. т. XXVIII. 1860 г. Август. Книжка первая), ни в “Истории Донского войска” Влад. Броневского, ни в “Деяниях Петра Великого”, ни в “Журнале Петра Великого”. Между тем письмо это чрезвычайно интересно, потому, что оно объясняет Булавиноское восстание в том виде, как понимали его приверженцы Булавина, или как желал объяснить это восстание сам Булавин. – прим. П. П. Ламбин.)

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь.

От донских атаманов молодцов, от Кондратя Афонасьевича Булавина и от всего великого войска, рабом Божиим и искателем имени Господни, Кубанским казакам атаману Савелью Пахомовичу, или кто протчии атаманы обретаются и

всем атаманам-молодцам челобитье и поздравление. Милости у вас атаманов молодцов слезно просим и Бога молим и ведомо вам чиним, что послали мы войском на [2] Кубань в Ачюев к Хосяну паше и к Сартлану мурзе свои войсковые письма об мировом между вами и нами и крестном состоянии, как жили и наперед сего старые казаки.

Да ведомож вам, атаманам молодцам, мы войском донским чиним (суд) на своих прежде бывших старшин, на Лукьяна Максимова, на Ефрема Петрова со товарищи. В прошлом 1707 году они, Лукьян и товарищи, списывались с бояры (Из этих слов можно предполагать, что ближайшим поводом к восстанию было неудовольствие на старшин, которые списывались о высылке с Дона пришлых людей, без согласия с войском. – прим. П. П Ламбин.), что у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать, кто откуда пришел с первого азовского походу; и по тем их, прежде бывших старшин, с бояры письму и совету прислали они, бояре, от себя к нам на реку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людьми, для того, чтоб им, старшинам, с боярами всю реку разорить; и стали было бороды и усы брить, так и веру христианскую переменить и пустынников, которые живут в пустынях, ради имени Господня, и хотели было христианскую веру ввести в еллинскую веру; и как они, князь с старшинами, для розыску и высылки русских людей поехали, по Дону и по всем рекам послали от себя начальных людей, а сам он, князь с нашими старшинами, с Ефремом Петровым с товарищи многолюдством поехали по северному Донцу по городкам, и они, князь с старшинами, будучи в городках, многие станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцев по деревьям вешали, также женского пола и девичья брали к себе для блудного помышления на постели, и часовни все со святыней выжгли; и в прошлом же, 1707, году, как будучи князь с старшинами у розыску и высылки русских людей на речке Айдаре в Шульгинском городке и с Донца Трехизбянской станицы нынешний наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пересоветовав с донецкими многими казаками и собрався его, князя, и при нем с будущими начальными людьми и с нашими старшинами в Шульгинском городке (У Соловьева: на р. Айдаре. (Истор. Россия т. XV, с. 240), а у Броневского: “близь Урюпинской станицы”. (Истор. Донск. войск. Ч. I, стр. 250). – прим. П. П Ламбин.) до [3] смерти побили, потому что он, князь и старшины, чинили нам многое разорение и нестерпимые налоги; и на после они, Лукьян с товарищи, собрался за убийство князя вскоре воинским поведением, на речке же Айдаре, нынешнего нашего войскового атамана Кондратя Афонасьевича с теми казаками, с которыми он, князь, убит на речке же Айдаре, разбил и многих вешали за ноги по деревьям и казнили смертью; а он, Кондратей Булавин, в то число от них старшин ушел с немногими людьми и зимовал в Сече в запорожских казаков. И в нынешнем, 1708 году, они ж, наши прежде бывшие старшины, Лукьян Максимов да Ефрем с товарищи пересоветовав с бояры, по тому же северному Донцу ездя, тако ж собранием, по городкам всякое разорение, против вышеописанного, чинили и в нынешнем же, 1708, году, апреля в “ ” день, нынешний наш войсковой атаман, Кондратей Афонасьевич Булавин из Запорочь пришел на реку Хопер в Приставную станицу и пересоветовав той станицы с

казаками, послал от себя по всем рекам, по Дону и по Донцу и по Хопру и по Бузулуку и по Медведице, и по всем запольным речкам письма, чтоб (шли) со всех рек и со всякой станицы старые лучшие казаки к нему в Пристаннюю станицу на совет.

И со всех рек казаки к нему съезжались и между собою всеми реками пересоветывали и собравшись со всех рек казаки и пошли с ним, Кондратьем Афонасьевичем, и всем походным войском к Черкасскому.

И он, Лукьян Максимов да Ефрем Петров, с единомышленниками своими с казаками и с калмыки прослыша о том, что идут всеми реками под Черкасской, из Черкаского пошел воинским поведением с пушки и с народом и встретили его, Кондратья Афонасьевича, с походным войском в степи, на крымской стороны, против Перекопной на Дону станицы, в Лискиных вершинах (У Соловьева—при Лискованше выше Паншина, у Красной Дубровы (Ист. Рос. т. XV с. 245 и Рус. Вест. т. XXVIII. 1860 г. августа, стр. 383). У Броневского — на речке Крынке, впадающей в Миус (Истор. Донск, Войска ч. I, стр. 257). – прим. П. П. Ламбин.), хотели его, Кондратья Афонасьевича, с походным войском разбить и он, Лукьян, [4] с единомышленниками своими своего злого умышления не получили и, Божьей помощью, в степи его, Лукьяна, с единомышленниками с калмыки и с татары разбили и пушки и казну, восемь тысяч денег, отбили и между себя подуванили; а он, Лукьян и Ефрем с товарищи, с немногими людьми, с того боя ушли и прибегши в Черкасской, сели в осаде; а походное войско Кондратей Афонасьевич со всех рек с казаками прейдя под Черкасской и стали на речке Василеве. И они, Лукьян и Ефрем, с своими единомышленники из осады били по походном войске многое число из пушек, и он, Кондратей Афонасьевич, с походным войском со всех рек с казаками не похотя христианской крови пролить и напрасных неповинных душ, вдову и сирот, погубить боем, на Черкасском не били и из ружья не стреляли, только Божией помощью на острове, которые с ним, Лукьяном, сидели по неволи, казаки многое число добром уговорили и они, казаки, которые сидели и с ним, Лукьяном с товарищи, убоясь Бога для пролития крови христианские и напрасных душ и его, Лукьяна да Ефрема с товарищи шесть человек, выдали в руки и походное войско Кондратей Афонасьевич с походным войском с Божией помощью взошли на остров в добром здравии без бою. И собрався всех рек казаки и все войско Донское воловой (войсковой?) круг и тех неправедных старшин своих: Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Алексеева Соломату, Ивана Машлыченка (У Соловьева—Машлыкина. Истор. Рос, т. XV, стр. 251.—Рус Вест. 1860, авг., ст. 383. – прим. П. П Ламбин.) Николая Иванова (Николай Иванов у Соловьева не упомянут. В Истор. в. дон. у Броневского показано казненных шесть человек: атаман Максимов, старшина Ефрем Петров, а четыре еще старшины не поименованы. Истор. Донск. Войск. 1. I, стр. 260. – прим. П. П. Ламбин.) за их неправду и многое разорение, приговоря войском, казнили их смертью; а остальных старшин: Василья Меншова, Познеева с товарищи, вместо смерти, послали в верхние городки казачьи с женами и с детьми на вечное житье в ссылку. И управля все желанное, всеми реками атаманы молодцы выбрали войском войскового атамана Кондратья

Афонасьевича Булавина, а есаулов Рыковской станицы [5] Степана Ананьина, а на острове средней Черкасской станицы: Тимофея Соколова, а вверху, из середины Дону, выбрали Когалицкой станицы Бирея Семенова, с Хопра из Добринской станицы Степана Иванова. А старых есаулов и старшин всех переменили и хотели было послать к вам атаманом молодцам, своего казака, а твоего, Савелей Пахомович, племянника, Антона Ерофеева, с теми ж торговыми людьми, с которыми письма посланы к Хосяну паше и к Сартлаку мурзе; и мы о том ныне поопаслись с сим письмом его, Антона, к вам послать, потому что от неправедных бывших наших старшин кубанцы многие сиры и разорены. А ныне мы, государи наши батюшки, Савелей Пахомович и все атаманы молодцы, обещаемся Богу, что стать нам за благочестие, за дом Пресвятой Богородицы, и за святые соборные апостольские церкви, и за предание семи вселенских соборов, как они святые на семи вселенских соборах утвердили веру христианскую и во отеческих книгах положили и мы в том друг другу души подавали и кресту святое евангелие целовали, чтоб нам всем стоять в соединении и умирать друг за друга.

2) К старшинам Кубанских казаков.

(О письме этом упоминается у Соловьева в ст. “Булавин” Рус. Вес. 1860 г. августа, стр. 385, как о письме к Гусейн-паше и приводится из него несколько строк. – прим. П. П. Ламбин.)

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Да милости ж у вас наших батюшек, государей нов молодцов, у Савелья Пахомовича и у всех, что есть, войсковою наш атаман Кондратей Афонасьев и всем войском донским слезно просим. Да Кондратей Афонасьев, поимянно милости вашей пишу Савелью Пахомовичу, Федору Васильевичу, с Донца Луганской станицы Мирону Никитичу, да брату его Сидору Никитичу, да Луганской же станицы Сидору Зиновьевичу, да Трехизбянской станицы Ивану Остафьевичу Горбун прозвище, да Митякинской станицы Карпу Ертеаристу и всем, что есть атаманом молодцам слезно милости прошу и челом бью, пожалуйста, который-нибудь, хотя Мирон или Сидор или Афонасей, приедте ко мне на слово. Я же, Антон Ерофеев, тебе дядюшка Савелей Пахомович и [6] сыну твоему Гарасиму Иванову и Гавриле и всему дому твоему, слезно милости прошу и челом бью; а я, государь дядюшка, по се писание дал Господь Бог жив, и впредь уповаю на всещедрого Бога своего и прочим моим приятелем Савостьяну Васильевичу, Мартыну Роздорскому и Евментьевым детям и Панфиловым детям, Максиму Кривому с детьми Кобыльской станицы. И чтоб тебе, Максим, прислать ко мне которого-нибудь сына своего, и всем приятелем, с которыми мы зиму зимовали и нужду терпели, в вчинах челобитье и поклон до земли. К Савелью Пахомовичу шурин твой Дмитрий Игнатьев и Андрей милости прося и челом бьет; а ныне я живу на Медведице в Чернаганской станице, а прошу у тебя и молю животворящим Богом, чтоб тебе, буде возможно, самому приехать, а буде невозможно и ты пришли сына своего, а моего племянника, а им худа никакова у нас по крестному целованию, по святей

непорочной евангельской заповеди Господни, еже ей вправду, никакой вреда им не учинится и о том нашим душам верьте, только милости вашей мы желаем, что вам с нами о всяких душевных, искренних делах договориться и о всем пересоветовать. А если у кого товары какие и вы возите к нам, войску, для продажи неопасно. А ныне у нас войска со всех рек с Дону, с Донца, с Хопра, с Бузулука, с Медведицы и со всех наполных речек на острову изо всякой станицы старшин людей, кроме молодых, которые в третчине (в Туречине?). И по сему письму будем вашу милость ожидать к себе и вам бы пожаловать приехать к нам, в Черкасской, непо мешкав с теми вместе как посланы будут из Ачюева от Хосяина паши и от Сартлана мурзы с письмами татары. А ныне на реке у нас казаков в едином согласии тысяч со сто и больше; а наперед что будет, про то Бог весть, потому что много русские люди бегут к нам на Дон денно и ночью с женами и с детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей, потому что они веру христианскую у нас отнимают. А если наш царь на нас с гневом поступит, и то будет Турской царь владеть Азовом и Троицким городами; а ныне мы в Азов и в Троицкой с Руси никаких припасов не пропускаем, покамест с нами азовской и троицкой воевода в [7] согласие к нам придет. А мы к городам не приступаем и христианской крови проливать не станем; а к нему, Государю, мы войском от себя пишем письма, а сами к нему не едим. А если царь нам не станет жаловать, как жаловал отцов наших и дедов и прадедов, или станет нам на реке какое утеснение чинить и мы войском от него отложимся и будем милости просить у Вышнего Творца нашего Владыки, также и у Турского царя, чтоб Турский царь нас от себя не отринул; и потому мы от своего Государя отложимся, что нашу веру христианскую в Московском царстве перевел, а у нас ныне отнимает бороды и усы, также и тайные уды у жен и у детей насильно бреют. Да тебе же, Савелей Пахомович, против сего письма, согласясь с ачюевским Хосяном нашею и кубанским владельцем Сартланом и с иными большими мурзами, учинить между собою совет и сие письмо им, Хосяну паше и Сартлану мурзе, со всеми мурзами, при них прочесть и всякие слова знать в подлинно. А буде у вас, Савелей Пахомович, из нашей стороны какие люди московские или украинские из Азова или Троицкого, или откуда-нибудь русские люди при вас будут и вам бы пожаловать про се письмо отнюдь им не явить и не сказывать, только ведайте ваша милость про себя с Хосяном нашею да с Сартланом мурзою и с иными многими мурзами, и буде милости вашей сие письмо угодно будет, и вы извольте, буде можно, списав с сего письма список, оставьте у себя в Ачюеве, а подлинное наше сие письмо пошлите к своему салтану в Царьград.

По сем писании войсковой атаман Бондратей Афонасьев и все войско донское у тебя, Турскаго салтана, милости прося и челом бью. А нашему Государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он многие земли разорил за мирным состоянием и ныне разоряют, также и на твое величество и на царство готовит корабли и каторги и иные многие воинские суды и всякой воинской снаряд готовит.

По сем писании мало пишем и наипаки челом бьем.

А сие письмо послано из Черкасского, мая 27 1708 года. [8]

3 и 4) Ачюевскому владетелю Хосяну паше; и кубанские орды владетелю Сартлану Мурзе и всем кубанским мурзак.

(Оба воззвания, за исключением адресов, одинакового содержания. – прим. П. П Ламбин.)

От донских атаманов молодцов, от Кондратя Афонасьевича Булавина и ото всего великого войска донского, ачюевскому владетелю Хосяну паше поздравление в нынешнем 1708 году, мая в день. Ведомом войском донским вам чиним: собрався мы, войском донским, казаки с Дону из северного Донца, с Хопра, Бузулуку, и с Медведицы, и со всех заполных рек, также Днепра из-за порогов казаки, пришли под Черкасской для того: приговорили мы войском, чтоб переменить на острову в Черкасском прежде бывших своих войскового атамана и Лукьяна Максимова и старших за их неправду и всякое на нас разоренье, потому что они старшины нам и вам многое разорение и неправды чинили и за мирным состоянием юртовых своих калмык и казаков, без ведома нашего войскового, под ваши жилища посылали и ясырь у вас, также и конные табуны в себе брали. И мы, войском, за такое их разоренье и неправду войскового атамана Лукьяна Максимова с товарищи шесть человек казнили смертью. А ныне у нас, войска, в Черкасском все дал Бог по-прежнему в состоянии смирно. А с вами мы, войском донским, хотим жить по-прежнему в дружелюбии и в мирном состоянии. А буде вы с нами, войском, хотите жить в дружелюбии по прежнему и вы к нам, войску, знатных своих старшин от себя с письмами для договору и мирного между (меж. дву) (Можно читать между двух. – прим. П. П Ламбин.) юртов крепкого состояния и разделки пришлите, и ни в чем не опасайтесь, и душам нашим и сему письму верте. А вы на нас, войска, не подивите, что с сим письмом своих казаков никого к вам не послали, для того, что за умножением своих неправедных старшин заходящих ссор между вами и нами послать поопаслись и послали мы войском сие письмо к вам в Ачюев с вашими людьми и своим казаком Василием Борисовым. И вы с нами, войском, живите по прежнему в дружелюбии и в мирном [9] состоянии, из своей стороны всяких людей с товары и со всякими промыслы к нам, войску, присылайте безопасно; а у нас, войска, вашим торговым людям никакого озлобления не будет, и будут они у нас торговать по-прежнему; а мы, войском, в вашу сторону своих казаков будем посылатъ для всяких промыслов також. А что которые люди побраны за мирным состоянием наши казаки к вам, а ваши—к нам в ясырство, и мы, войском, с вами меж себя в том ясыре размену и всякой договор о всяких делах чинить будем. А если вы похотите, за многие к нам и к вам, от калмык обиды и многое разорение на них идти войною и вы с нами войском, согласясь за едино, в поход за Волгу пойдем и о том к нам, войску, отпишите ведомость вскоре.

П.

ПИСЬМА МАЙОРА КН. В. В. ДОЛГОРУКОВА К КНЯЗЮ А. Д. МЕНШИКОВУ

1) Светлейший княже, мой премилостивый государь. Доношу вашей светлости: поехал я с Москвы мая (6-го) числа; на Воронеж приехал во 12 числе и, приехав на Воронеж, приказал господину Колычову, чтоб велел изготовить подводы под солдатской Рыкманов полк и под драгунской шквудрон и полковые припасы и под провиант и подводы, государь, из уезду на Воронеж по се число не пригнаты; также, государь, которые полки определены со мною с Москвы и из Вязьмы ко мне еще не бывали и я, государь, послал к ним указ на Елец, чтобы они с Ельца прямо шли в Острогжск. Я с Воронежа в скорых числах пойду в Острогжск, а из Острогжска к соединенно с господином бригадиром Шидловским, с господином Гагариным и с другими полками, которые со мною определены царского величества указом, и на Воронеж, государь, не мешкал бы я ни часу: замедление мое в подводах, подняться не начем; а если подводы на сих днях не пригонят и я их дожидаться не буду, пойду в Острогжск, а со мною господин Бахметев с царедворцы да драгунской шквудрон, а Рыкманов полк отправлю водою до Коротояка, а лошадей велю пригнать в Острогжск. Сего государь, мая в 14 день, послал я с Воронежа в партию до [10] Бетюка капитана Хотяинцова, а с ним драгун 100 человек, да станишников 40 человек и сего, государь, числа получил я от него, капитана, письмо; в письме пишет: сего де мая 15-го числа наехал он, капитан, на речке Икорце трех человек жителей села Курлака, которые посылаются для разъезду, и наехали-де на них посланные от Кондрашки Булавина человек с 20 и отдали им от него письма и велели те письма отвезти на Воронеж, к Степану Бахметеву письмо, да письмо от заставного атамана Агея Иванова; и я, государь, тое отписку и письма сего ж числа послал до царского величества, а к вашей светлости с той отписки и с писем послал списки. При сем, остаюсь вашего светлейшества всегдашним слугою, майор Долгорукой. С Воронежа мая в (ц.-с.) день. (1708 года).

2) (Начало письма истлело. – прим. П. П Ламбин.)А хотя которые и пристали, да будут приносить повинные, чтобы мне с ними обходиться ласково и я, государь, до письма до царского величества на Дон в Черкасской и во все городки послал от себя увещательные письма и писал к ним, чтоб они надеялись на милосердие царского величества, чтобы прислали челобитную с покорением вин своих и из старшин и из казаков старых до царского величества прислали просить об отпущении вин и в том бы не имели опасения и потому, чтоб они ответствовали мне на те мои письма, и жду, государь, в скорых числах от них отповеди, и кой час получу от них отповедь, того часу до вашего сиятельства писать буду. Прошу, премилостивой мой государь, не оставь меня в милости своей, так же прошу, чтоб я уведомлен был о здравии твоём, государя моего. Доношу, государь, вашему сиятельству, царедворцев по се число залилось всего четыре человека. При сем остаюсь вашего светлейшества всегдашним слугою майор Долгоруков.

Из Острогжска, мая в 17 день 1708 г.

3) Римского и Российского государств светлейший князь, его царского величества главнейший над кавалерией генерал и кавалер, мой же премилостивейший особливый патрон [11] государь Александр Данилович! Доношу вашей светлости, июня 27 числа, пришли мы к Черкасскому и атаман Илья Зерщиков выйдя с острова в винах своих просили у государя милости, и самых заводчиков к воровству двадцать шесть человек отдали, а потом привели их атамана и казаков ко кресту, чтобы им впредь не изменять.

Только в них как первые, так и последние сплошь все воры, разве впредь что доброе в них будет.

Некрасов вор из-под Царицина еще не... нулся и та своеволя вся с ним в сбор..., также и донских и верхних городков многие воры к нему хотят идти.

Обачеж надеяться на милость Божию же... По нынешнему учиненному Черкасскому делу, оные воры могут исчезнуть вскоре.

Того ради в Черкасском строгости к ним не оказано, кроме тех воров, которых они сами отдали, все прикрыты великого государя милостью, чтоб верхних воров к рукам прибрать.

А оставя от инфантерии доброй презыдиум в Черкасском (хоча только донцы зело противны) и пойдем по Дону вверх против вышеописанного воровского..... (Второй лист письма утрачен. - П. П. Ламбин.).

Ш.

ПОВИННАЯ КАЗАКОВ СУХАРЕВСКОЙ СТАНИЦЫ

Его царского пресветлого величества князю нашему, князю Василию Володимировичу Долгорукому, Сухаревские станицы станичные молодцы и атаман Иван Наумов и со всей убогой своей станицей до лица земли челом бьем. Милости у тебя, государя, мы станицей и многогрешные просим, что о своих головах. Писал ты, государь, к нам грамоту, а в грамоте той написаны милостивые к нам слова, чтоб нам к нему, великому государю, о своей вине принести повинную, и мы тое грамоту послали вниз по Донцу во все свои казачьи городки. А мы ему, великому государю, служить по прежнему верно ради. Да ведомо тебе, государю, о сем буди, что шел снизу Донца Сережка Беспалой со многим собранием и везде прельщал [12] своим озарничеством нашу братью казаков, многих бил на смерть и в воду сажал и вешал, и животы наши грабил и неволею нас к себе подворочал; и от такого его озарничества, мы убогие, боясь их, слушали и брал нас с собою в войско неволею, и ты пожалуй, государь князь Василей Володимирович, для ангела своего в вине нашей помилосердствуй над нами и о том..... (конец, полстрочки, истлел).

(Письмо это, как надо полагать, писано 15 июля 1708 г.).

IV.

ПРОСЬБА ПОХОДНЫХ ЮРТОВЫХ ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ ОБ ОТПУСКЕ ИХ ИЗ ПОЛЬШИ В ЧЕРКАССК

Светлейший князь, милостивейший государь, государь всепокорнейше Александра Данилович. Бьют челом сироты ваши войска Донского походного юртовые Донские калмыки города Черкаскова, которые на службе Беликова государя в Польше. А вышли из Черкаскова города 1707 году и служим великому Государю по нынейшей 1708 год в Польше не выезжаючи, и нам ведомо учинилось, которые калмыки кочуют за Волгою, и они забрали на Дону наших жен и детей в полон и дома наши разорили и что было пожитков, то все забрали, и мы о том просим вашего светлейшего и милостивейшего указу, чтоб нас, сирот своих, отпустить домой на Дон и отыскать бы нам у тех (калмыков) жен своих и детей, хотя на окуп выкупить и чтоб они, калмыки, не запродали наших жен и детей в дальние страны. Светлейший и милостивейший князь государь! Смилуйся над нами, сиротами своими, и не дай в конец разориться, а мы, сироты ваши, и впредь ему, великому государю, рады служить и всегда готовы будем. Смилуйся, пожалуй!

V.

ПИСЬМО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА К КНЯЗЮ МЕНШИКОВУ

(Собственноручное).

Светлейший князь. Получили мы здесь ведомость, что вор Булавин застрелился сам, и войско его от наших разбито, и с сим присланно курьер послан к Государю, и ссею викторией [13] вашей светлости поздравляю аlever из Преображенского, июля (число истлело), 1708 г.

П. П. Ламбин.

Текст воспроизведен по изданию: Булавинский бунт. 1708 г. // Русская старина, Том 2. 1870